

Глава 9

ЛЕНИН: "... НАДО ПОСТАВИТЬ НА НОГИ ВСЕ ЧЕКА, ЧТОБЫ РАССТРЕЛИВАТЬ НЕ ЯВИВШИХСЯ НА РАБОТУ ИЗ-ЗА "НИКОЛЫ"

К статье "Без креста" ("Российская газета", 24 октября 1992 г.) я привел свидетельство писательницы и переводчицы Варвары Васильевны Тимофеевой о пророчестве Достоевского, высказанном в 1874 году (впервые увидевшем свет в 1904 году): "Со стыдом вспоминаю, как "дико" показалось мне, когда он однажды, читая корректуру своей статьи о Пруссии, о Бисмарке и папе — заговорил вдруг тоном... тем самым тоном, над которым так зло, но и так остроумно смеялись знакомые мне "либералы": "Они и не подозревают, что скоро конец всему... всем ихним "прогрессам" и болтовне! Им и не чудится, что ведь антихрист-то уж родился и идет!" Он произнес это с таким выражением и в голосе, и в лице, как будто возвещал мне страшную и великую тайну". Ровно через полвека после этого пророчества Ленина не станет — и именно его деятельность по разгрому православной церкви все чаще будет определяться как деяния Антихриста.

Ленин считал религию одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете.

Простое упоминание идеи Бога порою приводило вождя в бешенство. "Дорогой А.М.! Что же это Вы такое делаете? — просто ужас, право! — писал он Максиму Горькому в середине ноября 1913 года — ...всякий боженька есть труположество... всякая религиозная идея, всякая идея о всяком

боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, ...самая опасная мерзость, самая гнусная “зараза”. Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз **физических** гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем **тонкая**, духовная, приодетая в самые нарядные “идейные” костюмы идея боженьки” (48; 226-227).

А сколько яда выливал вождь на Льва Толстого за его “стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т.е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины” (17;209-210).

И Ленин четко определял в статье “Об отношении рабочей партии к религии”: “Мы должны бороться с религией. Это — азбука **всего** материализма, и, следовательно, марксизма” (17;418). Обращаясь к наследию вождя, приходишь к неизбежному выводу — добиваясь разрушения русской православной церкви (РПЦ) до “основания”, он проявил к ней ни с чем не сравнимую жестокость и бескомпромиссность. До октябрьского переворота Ленин называл православие “полицейской религией”, которую самодержавие “пропитало духом кутузки”, православную церковь — “ведомством полицейского православия”, “полицейско-казенной церковью”. Служителей православной церкви он причислял “к подлому сословию, сословию попов, грабящих и развращающих народ”. В высшем духовенстве Ленин видел “крепостников в рясах” и “чиновников в рясах”, в миссионерах — “жандармов во Христе”, “темных инквизиторов”, в деревенских священниках — “урядников казенного православия”.

В то же время мусульманство рассматривалось Лениным как союзник в распространении мировой революции на страны Востока. Преследование же католической веры после октябрьского переворота незамедлительно вызывало протесты со стороны Ватикана, а также ряда европейских католических государств, с которыми приходилось считаться. Как и при преследовании протестантских церквей. А русская православная церковь оказалась после разгрома Белого движения беззащитной. Более того — Ленин считал полезным использовать против РПЦ сектантские общины. Еще в 1897 году он писал, что в борьбе с самодержавием “рядом с пролетариатом

стоят... и оппозиционно настроенные элементы... преследуемых абсолютизмом... религий и сект...” И советовал воспитывать в рядах социал-демократии таких политических руководителей, которые умели бы в нужную минуту “продиктовать положительную программу действий” “и возмущенным сектантам” (5;398). Подобное отношение к отдельным неправославным христианским общинам Ленин сохранил и после октябрьского переворота. Например, 6 сентября 1921 г. на заседании политбюро ЦК РКП(б), на котором Ленин не присутствовал, при обсуждении обращения Общества духоборов в Канаде о предоставлении их делегации права приезда в Россию для переговоров о возвращении общины на родину постановляется принять предложение Ленина: “...тотчас разрешить и ответить архилюбезно” (53; 145).

Конечно, мои оппоненты могут возразить — ведь в конце 1905 года в статье “Социализм и религия” Ленин писал: “Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейно и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом” (12; 145). Но ведь вся деятельность вождя во главе правительства противоречит подобным утверждениям.

Ленин явился прямым инициатором четырех массовых кампаний, направленных против православия. Первая — ноябрь 1917 года — 1919 год: начало закрытия монастырей, некоторых храмов, реквизиция их имущества, лишение церкви прав юридического лица и др. Вторая — 1919-1920 годы: вскрытие святых мощей, лишение духовенства политических прав. Третья — начиная с конца 1920 года: раскол православной церкви, ее “разложение” изнутри. И четвертая — с начала 1922 года: разграбление или, употребляя ленинский термин, “очищение” всех церквей и расстрел при этом максимального числа православных священнослужителей.

Конечно, все эти кампании были тесно взаимосвязаны, на их фоне во все годы просматривается неизменное стремление Ильича физически уничтожить как можно больше православных служителей культа. Еще в августе 1918 года Ленин приказывал пензенскому губисполкому “провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев”. “Беспощадный массовый террор” вылился в массовые убийства по всей стране. Ровно два года спустя

Ленин планировал за каждого повешенного “попа” платить по 100 тысяч рублей, причем спровоцировать акцию так, чтобы подозрение пало на “зеленых”.

В марте 1922 года в разгар кампании по разграблению церковей Ленин, как всегда “строго секретно”, наказывает: “...изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церковей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше”.

Приводятся сегодня разные цифры (превышающие 8 тысяч) православных священнослужителей, которые пали жертвами большевистского террора в 1917-1922 годы. В июле 1995 года “Известия” опубликовали статью, в которой рассказывалось о найденной в тайнике Российской государственной библиотеки карте России “Данные о подавлении сопротивления духовенства за 1918-1919 годы”. Подготовленная секретным отделом ВЧК цветная карта имела разную интенсивность окраски отдельных губерний — в зависимости от числа расстрелянных священнослужителей. Были указаны и точные цифры расстрелянных по отдельным местностям. Так, только в одном Петрограде было расстреляно 550 священников, монахов, высших иерархов церкви. С бухгалтерской точностью указано количество расстрелянных в других местностях: в одном случае — 101 расстрелянный, во втором — 78.

Еще более массовые расстрелы служителей культа большевики произвели в последующие годы. Приведем отрывок из книги М. Вострышева “Божий избранник” — документального повествования о патриархе Тихоне:

“...священнику Дмитриевскому, которого поставили на колени, сначала отрубили нос, потом уши и, наконец, голову... В городе Богодухове всех монахинь, не пожелавших уйти из монастыря, привели на кладбище к раскрытой могиле, отрезали им сосцы и живых побросали в яму, а сверху бросили еще дышащего старого монаха и, засыпая всех землей, кричали, что справляется монашеская свадьба”. Киевский митрополит Владимир был изуродован, а затем расстрелян.

Жестоким пыткам был подвергнут Пермский архиепископ Андроник. Ему вырезали щеки, выкололи глаза, обрезали нос и уши и в таком изувеченном виде водили по городу. Гобольский епископ Гермоген, в свое время отправленный царем в ссылку, живым был привязан к колесу парохода и измочален лопастями. И так далее и так далее. Большевицкая расправа над православной церковью превосходила по жестокости гонений на веру и верующих в первые века христианства.

Еще на заседании Совнаркома 30 ноября 1917 г. Ленин дополняет повестку дня вопросом: “17) О передаче монастырей в ведомство Государственного презрения (Коллоний)”.

Не дождалось ответа Ленина монахи Спасского монастыря в Москве, обращая его внимание на то, что они приветствовали Советскую власть. Но где же им теперь, задавались вопросом братья, выполнять свои монашеские обеты?

Столкновение отряда моряков с монахами было вызвано претворением в жизнь специального решения, принятого на заседании Совнаркома 4 января 1918 г. под председательством Ленина, о реквизиции помещений Александро-Невской лавры. В этот же день было принято правительственное постановление об упразднении придворного духовенства, реквизиции всего имущества в помещениях придворных церквей, что касалось и церквей Кремля в Москве, где издавна хранились православные реликвии: иконы, кресты, пантеоны, принадлежавшие видным в прошлом религиозным деятелям. 24 января на заседании Совнаркома под председательством Ленина было принято решение о предоставлении наркоматам права закрытия церквей при государственных учреждениях, а также так называемых домовых церквей. Эта мера затронула тысячи храмов, вызвав массовые протесты верующих.

Тогда же “Известия” впервые опубликовали декрет Совнаркома об отделении церкви от государства и школы от церкви. Сохранился экземпляр проекта декрета с многочисленными ленинскими поправками. Особо горячие возражения у иерархов церкви и подавляющей части клира вызвал 12 пункт декрета: “Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юри-

дического лица они не имеют". Так был открыт путь к правовому беспределу по отношению к церкви и ее служителям.

Ленин написал радиограмму и направил ее "Всем, всем": "Вчера, 21.01.1918 опубликовали декрет о полном отделении церкви от государства и о конфискации всех церковных имуществ" (35; 322).

Ленинские установки по разгрому православной церкви приводили к новым и новым богохульным бесчинствам по всей российской территории.

Примеров множество — но приведем лишь один, из "Очерков русской смуты" генерала А.Деникина. "Особая комиссия" после занятия Харьковской губернии деникинскими войсками установила: "Забравшись в храм под предводительством Дыбенко, красноармейцы вместе с приехавшими любовницами ходили по храму в шапках, курили, ругали скверноматерно Иисуса Христа и Матерь Божью, похитили занавес от царских врат, разорвав его на части, церковные одежды, подризники, платки для утирания губ причащающихся, опрокинули Престол, пронзили штыком икону Спасителя. После ухода бесчинствовавшего отряда в одном из притворов храма были обнаружены экскременты".

Были национализированы свечные заводы, фабрики и мастерские по производству церковной утвари. 4 марта 1918 года на заседании Совнаркома под председательством Ленина была проанализирована деятельность НКВД по изъятию церковных средств.

В мае 1918 года в последний раз был разрешен ограниченный проход верующих в пасхальную ночь на богослужения в кремлевские храмы. Комендант П.Мальков вспоминал: "Убедившись, что все необходимые меры приняты, я прошел к дверям Успенского собора к моменту выхода процессии с хоругвями и издали смотрел, как последний раз (это было несомненно) совершался древний "языческий" обряд... "Последний раз ходят", — услышал я знакомый голос Владимира Ильича. Он с некоторыми товарищами тоже пришел посмотреть на последний выход пасхального церковного парада из Успенского собора".

В июне 1918 года Ленин ставит перед Наркомпросом задачу — превратить Петроградскую духовную академию в

центр по распространению атеизма. Закрываются все православные духовные семинарии, женские епархиальные училища. (В то же время деятельность мусульманских учебных заведений запретам не подвергалась). Поместный собор направлял по этим вопросам жалобы Ленину, но ответов никогда не получал. Впрочем, начавшиеся по всей стране с осени 1918 года массовые аресты православных священников можно считать ответом главы правительства народных комиссаров.

Старый большевик П.Красиков, приятель Ленина по красноярской ссылке, чью игру на скрипке вождь так любил слушать, был поставлен во главе специального V Ликвидационного (позднее VIII) отдела Наркомата юстиции, имевшего задачу проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства, а фактически — разгрома прежде всего православной церкви.

“Мне поручили, — вспоминал Красиков, — очень важное и трудное дело — отделение церкви от государства. Я должен был очень много прочесть и изучить. Эту работу я выполнил как будто хорошо. Против нее не было ничего сказано, и Владимир Ильич был как будто бы доволен. Правда, со всякими важнейшими вопросами в этой сфере я советовался с Владимиром Ильичем”.

Самому Красикову вождь дал такую характеристику еще в октябре 1903 года: “...при войне он, ей-богу, полезен и необходим; слушаться он будет вполне; от неподходящих функций его можно отстранить; про него много ходит зряшных сплетен”. Далее Ленин сообщил, что у Красикова “взял торжественное обещание слушаться вполне начальства...” (46; 304-305). Так что в профессиональной пригодности Красикова Ильич был уверен.

30 июля 1918 г. на заседании Совнаркома под председательством Ленина был наложен запрет на исполнение колокольного звона во всех церквях. Необходимость запрещения колокольного звона Красиков обосновывал тем, что шум “мешал трудящимся отдыхать после трудового дня”, а колокольная медь, как выяснилось, необходима республике для промышленных нужд.

22 октября 1918 г. впервые в Советской России были вскрыты святые мощи. Эта кощунственная акция была про-

изведена в Александро-Свирском монастыре Олонецкой губернии при разграблении богослужебного имущества. Из реквизированных “40 пудов чистого серебра в виде церковных изделий” часть была отправлена в музеи, часть — роздана крестьянам, а часть по предложению ГубЧК переплавлена в слитки. Ряд священников вместе с настоятелем монастыря Евгением были расстреляны без суда и следствия. Именно здесь произошло первое вооруженное столкновение чекистов с верующими. П.Красиков вспоминал, как загорелся Ильич идеей организовать подобные акции по вскрытию святых мощей по всей стране, дав соответствующее поручение VIII отделу.

Исходя из имеющихся документов, именно глава правительства был инициатором кампании по надругательству над святыми останками, распространению среди населения информации об этих кощунственных акциях. Поруганные чувства верующих в расчет им не принимались. Так, в марте 1919 года член братства святого Алексия М.Свет обратился к Ленину с письмом, в котором содержалась просьба отдать членам братства мощи святого Алексия, находившиеся в Кремле, в Чудовом монастыре. Ленин накладывает резолюцию наркомю юстиции: “т.Курский! Прошу не разрешать вывоза, а назначить вскрытие при свидетелях”. (Лен. сб. XXXIII, стр.248). И здесь же — резолюция Курского: “Срочно. VIII отдел П.А.Красикову. Для распоряжения о вскрытии мощей с участием представителей МСРД, НКЮ и НКВД”. Эта ленинская резолюция не вошла в “полное” собрание сочинений вождя. А ведь именно она явилась толчком к массовому вскрытию святых мощей по всей Руси. Но вошла другая: “Надо проследить и проверить, чтобы поскорее показали это кино во всей Москве”, — на обороте записки Красикова, сообщавшего о вскрытии 11 апреля 1919 г. святых мощей Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре. Красиков сообщал также, что скоро будут готовы протокол вскрытия и кинолента (50, 279). Ленину впоследствии были показаны фотоотпечатки кадров фильма, и он остался ими доволен. Вождь заботился также о покупке зарубежных антирелигиозных кинолент для агитационно-инструкторских поездов и пароходов (40; 72).

Тщетно просил патриарх Тихон Ленина в письмах от 27 апреля, 10 мая, 9 августа 1920 г. не глумиться над останками

заступника России Преподобного Сергия Радонежского, не перевозить их из Лавры в один из музеев, что было бы для верующих неслыханным святотатством. Напрасно напоминал он Ленину о провозглашенной в советской Конституции свободе совести. Высказывал он и свое возмущение нелепыми обвинениями в свой адрес в “спекуляции свечами” в храмах. На основе этих “обвинений” на патриарха было заведено уголовное дело.

15 июня 1920 г. Ленин подписал протокол заседания Совнаркома, на котором был одобрен доклад межведомственной комиссии о превращении Троице-Сергиевой Лавры в музей, 21 июня — подписал декрет об обращении Лавры в музей. Вождь отказался встретиться с патриархом, которому было сообщено, что “председатель Совнаркома занят обсуждением важных дел и свидание не может состояться в ближайшие дни”. Официальный ответ Совнаркома патриарху гласил: “Жалобу гражданина Белавина (патриарха Тихона) на постановление Московского губисполкома о перевозке мощей из Троице-Сергиевой Лавры в один из московских музеев от 10.05 оставить без последствий. Предложить Московскому исполкому Совета рабочих и крестьянских депутатов в порядке циркуляра Наркомюста от 25.08.20 г. о ликвидации мощей закончить ликвидацию мощей Сергия Радонежского, т.е. привести в исполнение Постановление Московского губисполкома от 26.03 с.г. о перевозке мощей в московский музей”.

Ленин председательствовал на одном из заседаний Совнаркома в середине июня 1920 года, на котором было принято решение: “Поручить Наркомпросу разработать вопрос о порядке ликвидации мощей во всероссийском масштабе”. Прошел месяц — и 20 июля Ленин на заседании Совнаркома делает запись: “До следующего заседания” против пункта 12 “о порядке ликвидации мощей во всероссийском масштабе”. Вопрос обсуждался еще дважды на заседаниях Совнаркома под председательством Ленина.

29 июля Совнарком “по вопросу о ликвидации мощей во всероссийском масштабе” постановил: “В принципе утвердить предложения Наркомюста по этому вопросу, поручив Наркомюсту прибавить к ним краткую историю и результаты 58 произведенных вскрытий мощей. Секретарь СНК

Л. Фотиева”. 31 июля на места за подписью секретаря Ленина Фотиевой была направлена соответствующая телеграмма. (Обратим внимание — подпись третьеразрядного в большевистской иерархии лица!)

10 августа Совнарком постановил: “Принять к сведению проект циркуляра Наркомюста о ликвидации мощей и сообщение т. Курского о том, что момент опубликования циркуляра будет определен им в соответствии с общим политическим положением”.

И вот 25 августа 1920 г. за подписью наркома Курского появляется постановление Народного Комиссариата юстиции “О ликвидации мощей”, предлагающее “к исполнению следующее: 1. Местные исполкомы при соответствующей агитации последовательно и планомерно проводят полную ликвидацию мощей, опираясь на революционное сознание трудящихся масс, избегая при этом всякой нерешительности и половинчатости при проведении своих мероприятий. 2. Ликвидация названного культа мертвых тел, кукол и т.п. осуществляется путем передачи их в музей. 3. Во всех случаях обнаружения шарлатанства, фокусничества, фальсификаций и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты, как со стороны служителей культа, так равно и организаций бывших официальных вероисповедных ведомств, отделы юстиции возбуждают судебное преследование против всех виновных лиц, причем ведение следствия поручается следователям по важнейшим делам при отделах юстиции или Народном Комиссариате Юстиции и самое дело разбирается при условиях широкой гласности”.

Можно отметить, что кампания по вскрытию святых мощей к тому времени была уже почти завершена по всей стране (из общего числа 63 запланированных вскрытий были произведены 62, 25 сентября 1920 г. было завершено последнее — Симеона Праведного в городке Верхотурье Екатеринбургской губернии). И практически задача постановления о “полной ликвидации мощей” уже сводилась лишь к обязательной передаче святых останков в музей.

Однако поиск святых мощей продолжался и в последующие месяцы, о чем свидетельствует следующий документ: “Записка по прямому проводу МОРЗЕ. Из Чернигова, Москва, ЦК РКП, Совнарком, Ленину. Совершенно секрет-

но... 18 февраля вскрыты мощи Феодосия, сообщаем проект заключения врачебных экспертов. Предъявленное экспертизе тело, называемое мощами святителя Феодосия Черниговского, есть действительно тело человека в состоянии сухого омертвления — мумификация без признаков гниения. Данные микроскопического исследования ...обнаруживают довольно ясное строение ткани и клеток, в особенности волокнистой ткани, мышечной и красных кровяных телец... Нами организована агиткампания по научному обоснованию мумификации. Необходима высылка в Чернигов специальных экспертов... Ждем дальнейших указаний. 23 февраля 1921 г. Секретарь Губкомпарт Одинцов, врид Предгубисполкома Филатов”.

Красиков незамедлительно обратился в Президиум ВЧК: “На основании секретной телеграммы на имя тов. Ленина — VIII отдел НКЮ для экспертизы хорошо сохранившейся мумии Феодосия командирует в Чернигов консультанта”... и просил присоединить к нему двух чекистов. Итогом этого явилось постановление Черниговского Губисполкома: “Предложить губнаробразу в 2-х дневный срок отвести место в музее для помещения трупа Феодосия. После чего поручается предгубчека Биксону произвести изъятие трупа вместе с облачением из церкви. Охрану трупа в музее возложить на Губчека”. Таким образом “нетленность” мощей к этому времени уже перешла в ведение чекистов.

В апреле 1920 года НКЮ объявил, что служители культа, как имеющие “нетрудовой заработок” и занимающиеся “непроизводительным трудом”, не могут пользоваться полными гражданскими правами. Тогда же было опубликовано разъяснение, в котором объявлялось о привлечении духовных лиц ко всеобщей трудовой повинности. Но главные удары по церкви были еще впереди.

Ленинский архивный фонд хранит немало документов, свидетельствующих о контактах вождя с православной церковью. Начиная от экземпляра книги “Две тактики социал-демократии в демократической революции. Женева, 1905 г.” с царственной надписью “Уважаемому Георгию Гапону от автора на память” — и кончая ленинской телефонограммой нарком просвещения Анатолию Луначарскому от 9 мая 1921 г.: “Принять архиепископа Владимира не имею возможности.

Сообщите письменно, в чем дело. Ленин”. Документы свидетельствуют — возглавив правительство, Ленин отвечал категорическим отказом в приеме на все просьбы православных служителей — от патриарха Тихона до деревенских священников.

Некоторые архивные документы, раскрывающие отношение Ленина к верующим, фальсифицированы, к подлинникам нет доступа.

Приведу один пример. В Биографической хронике деятельности вождя впервые приведено его письмо особоуполномоченному Совету Оборона по топливным главам А.Эйдуку, отправленное 25 декабря 1919 г. В первой части письма — анализ сводок по погрузке дров в вагоны. Ленин недоволен снижением погрузки за неделю, на которую приходится 19 декабря — православный праздник “Николин день” — День святителя Николая-чудотворца. Заключительный пункт письма: 3) мириться с “Николой” глупо... Немедленно нужны экстренные меры: 1) чтобы поднять погрузку, 2) чтобы предупредить прогулы на рождество и новый год.

Сообщите мне сегодня же, какие экстренные меры принимаете. Ленин.” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.12176). Но если обратиться к подлиннику письма — то вместо отточия после слова “глупо” прочитаем: **“надо поставить на ноги все чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за “Николы”**. (Выделено мною. — А.Л.)

Можно только предполагать, скольким нашим соотечественникам стоила жизни привычная для них неявка на работу в церковный праздник.

Особый интерес представляют документы, показывающие, как ведение дел православной церкви было передано вождем от Наркомпроса в ВЧК. В Биографической хронике жизни Ленина — запись от 30 ноября 1920 г.: “Ленин читает письмо наркома просвещения А.В.Луначарского по поводу происходящего раскола в православной церкви; пишет: “Тов.Красиков! Ваш отзыв?”; получив ответ заведующего VIII отделом Наркомюста П.А.Красикова по этому вопросу, пишет на нем: “От Красикова 30/ХІ 1920 г. **В архив**”, а на письме Луначарского зачеркивает прежнюю резолюцию и пишет: “Тов. Дзержинский! Ваш отзыв? 30/ХІ Ленин”. Мною впервые опубликовано указанное письмо Луначарского Ленину:

“Дорогой Владимир Ильич!

Сегодня был у меня архиепископ Владимир Пензенский, известный Вам по слухам, основатель так называемой свободной православной церкви, враг патриарха Тихона.

Он утверждает, что Тихоновская церковь (черносотенная) переживает тяжелый кризис, что большинство духовенства, видя прочность Советской власти, тянется к официальному признанию ее, дабы разрядить атмосферу враждебности, которая, естественно, окружает официальное духовенство.

По его словам, известный архиепископ Огородник Варнава уже целиком стал на его сторону. На днях будто бы официально перейдет к нему известный богослов и православный философ епископ Антоний (Антония Волынского Ленин еще в 1909 году окрестил “владыкой черносотенных изуверов” (19; 55) — А.Л.), наконец, будто бы весьма склоняется в сторону свободно поставленной церкви митрополит Вениамин Петербургский.

Все это, по словам Владимира, делает возможным при малейшей, отнюдь не официальной, помощи Советской власти опрокинуть Тихона и привести к признанию со стороны церкви принципов:

- 1) богоустановленности Советской власти (!!!)*
- 2) правильности принципа отделения церкви от государства,*
- 3) полной согласованности коммунистического идеала с истинным христианством.*

Как Вы знаете, ВЧК в общем способствовала развитию церкви архиепископа Владимира. Но я, конечно, прекрасно сознавая все — за — и все — против — такой политики, всю скользкость и ответственность этого пути, ни в коем случае не могу взять на себя хотя бы даже только продолжения частного выслушивания Владимира (от всякого выражения своего мнения я абсолютно воздержался). Если разговор нужно продолжить опять-таки в совершенно частном духе, то назначьте неофициально от ЦК 3-е лицо. Я думаю, что было бы небезынтересно глубже информироваться о происходящем в церкви брожении. Если же Вы считаете разговор ненужным, то я его немедленно и категорически прерву.

Наконец, если Вы укажете, что я должен адресовать Владимира кому-либо другому, я и это сделаю. Жду Вашей инструкции.

Ваш Луначарский”. (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 16341).

Дзержинский после получения письма наркома просвещения с резолюцией главы правительства направил 3 декабря 1920 г. в Секретный отдел ВЧК записку с поручением подготовить доклад об отношении ВЧК к церкви.

В этой записке он выразил свою позицию:

“Мое мнение: церковь разваливается, этому нам надо помочь, но никоим образом не возродить ее в обыкновенной форме.

Поэтому церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Официальные или полуофициальные сношения партии с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели — разложения попов. Связь какая бы то ни было с попами других органов бросит на партию тень — это опаснейшая вещь”. (ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 3546).

Подготовлены были не один, а сразу два доклада. Первый — М.Лациса, который работал заведующим Секретным отделом ВЧК до сентября 1920 года, второй — Т.Самсонова, сменившего Лациса на этом посту.

Лацис, наряду с состоянием церкви и отношением к ней ВЧК, дал характеристику духовных лиц, упомянутых Луначарским.

Он, в частности, отмечал, что Владимир Пензенский — неэнергичный человек и вообще нечистоплотная личность, отлучался от церкви в связи с обвинением в изнасиловании девочки. Как видно, Лацис не знал известной ленинской установки о том, что “праведный поп в тысячу раз вреднее аморального, так как его в тысячу раз труднее изобличить”. Выступая против патриарха Тихона, считал Лацис, архиепископ Владимир Пензенский стремился сам стать патриархом новой церкви. Выводы доклада были категоричны: “Церковь разваливается на глазах у всех, и единственно, что мы можем делать, это ускорить этот процесс развала”.

В докладе Самсонова был сделан реверанс в адрес своего предшественника на посту начальника отдела: “Тов. Лацис глубоко прав, когда говорит, что коммунизм и религия взаимно исключаются, а также глубоко прав в том, что религию разрушить не сможет никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК”. Но далее, непонятно почему, он обличает

цителей “новой церкви”, выступающих против патриарха Тихона, в недостаточной атеистической деятельности, когда пишет, что “отцы духовные вроде архиепископа Владимира (Пензенского) Путяты оказались несостоятельными по той главной причине, что у него, как у заклятого врага Советской власти, не оказалось достаточной смелости духа и воли для того, чтобы развернуть свою работу во всю ширь и глубину и нанести церкви сокрушительный удар; вместо этого Путятин склочничает и нашептывает в ВЧК на Тихона, в то же время сам практически ничего не делая для разрушения церкви.

Даже такой решительный и смелый вояка в рясе, как Иллриодор Труфанов, даже он в паутине церкви не нашел присутствия духа для того, чтобы открыто ударить церковной иерархии прямо в лоб”.

Далее Самсонов указывал, что низшие слои духовенства нередко выступают против таких представителей церковной иерархии, как Тихон или Владимир Пензенский, чем способствуют в некоторой мере развалу религии и церкви.

В заключение он просил поставить перед ЦК РКП(б) вопрос о необходимости направить в ВЧК сотрудников, подготовленных для работы среди духовенства.

Дзержинский оба доклада свел в один и направил Ленину со следующей сопроводительной запиской: “Посылаю Вам по вопросу о попах доклад Лациса и Самсонова. Считаю, что официально или полуофициально иметь с попами дело — не следует. Выйдет только компрометация. Но это может позволить только ВЧК. Ф.Дзержинский”.

Если практическую борьбу с православием Ленин возложил на чекистов, то теоретическими изысканиями продолжал заниматься сам. Еще в мае 1920 года он, внимательнейшим образом изучив книгу Н. Бухарина “Экономика переходного периода”, сделал подчеркивания и пометку “верно!” относительно мысли, что “духовенство, даже неквалифицированное”, входит в те “слои, классы и группы”, которые “неизбежно ведут активную борьбу против пролетариата под политической гегемонией представителей финансового капитала и под военной гегемонией генералитета...” И, одобряя политику насилия к этим слоям населения, вождь сделал подчеркивания и написал на полях: “именно!” — по поводу того, что “про-

летарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, **методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи...**” (Лен. сб. XL, стр.420,424).

Ленин являлся инициатором решений политбюро ЦК РКП(б) типа: “Дать сводку мятежных поповских попыток, а зачинщиков расстреливать”.

Вождь проявлял большую заботу о том, чтобы лишить верующих религиозной литературы и икон. Так, в конце мая 1921 года на X Всероссийской партийной конференции во время заключительной речи Ленина раздалась реплика: “Крестьяне, мол, просят, чтобы продавались иконы”. Подоживление в зале Владимир Ильич ответил: “...Я думаю, что в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму”. А в сентябре 1921 года Ленин подписал проект постановления политбюро ЦК РКП(б) о свободной продаже книг, хранящихся на складах Москвы. В проекте было сказано: “Из числа книг, пускаемых в свободную продажу в Москве, изъять порнографию и книги духовного содержания, отдав их в Главбум на бумагу” (44; 119).

Многочисленные установки Ленина по отношению к православию содержатся в воспоминаниях его ближайших соратников. Так, известно, что нарком просвещения Луначарский неделю спустя после октябрьского переворота подал в Совнарком заявление об отставке, в котором, в частности, писал: “Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве. Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется. Жертв тысячи. Борьба ожесточается до звериной злобы”. К счастью, эти сведения оказались преувеличены. Совнарком не принял отставки наркома, и пятнадцать лет спустя Луначарский опубликовал воспоминания, в которых рассказал, как вождь подверг его в связи с заявлением весьма серьезной “обработке”. Ленин, в частности, корил наркома следующими аргументами: “Как вы можете придавать такое значение

тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом?” Возникает крамольная мысль — неужели вождь уже тогда предвидел, что за Кремлевской стеной возведут коробку Государственного Кремлевского Дворца?

Помимо воспоминаний “блаженного Анатолия”, так называл Луначарского Г.Плеханов, приведем свидетельства “всероссийского старосты”. В обращении к политбюро ЦК РКП(б) в начале 1922 года председатель ВЦИК М.И.Калинин писал: “Как-то в частной беседе на мой вопрос, чем можно заменить религию, Владимир Ильич ответил, что эта задача целиком лежит на театре, что театр должен отлучить от обрядовых сборищ крестьянские массы”. Именно так считал вождь — задача целиком и полностью на театре вслед за предварительной карательной работой чекистов. Но это в будущем — а пока вождь наказывал Луначарскому: “Все театры советую положить в гроб. Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте” (53; 142).

А при обсуждении проблемы электрификации страны с В.Милютиным, Л.Красиным и рядом других большевиков Ленин утверждал, что Бога крестьянину заменит электричество, которому тот будет молиться, чувствуя вместо неба могущество центральной власти. Каких только несуразностей ни наговорил философствующий глава Советского правительства!

Ленин мог как будто быть доволен ходом разгрома православия в 1921 году. С одной стороны, к середине года было национализировано более 600 монастырей. С другой — гражданская война, неудачи “кавалерийской атаки” на православную церковь кое-чему научили вождя. Порою сама жизнь подталкивала его внести смягчающие коррективы в антирелигиозную политику, заставляя проявлять определенную гибкость во взаимоотношениях с церковью и высказываться против непродуманных богохульных акций. Так, 30 мая 1919 г. он ознакомился с рукописью статьи “Дань пред-рассудкам” известного теоретика атеизма Емельяна Ярославского, в которой приводились примеры исключения из партии коммунистов за участие в религиозных обрядах. Статья

заканчивалась призывом высказать мнение по этому вопросу — и на обороте последнего листа Ленин пишет в оргбюро ЦК РКП(б): “Я за исключение из партии участвующих в обрядах. 30/V Ленин” (50; 330). А два года спустя, 18 мая 1921 г., он предлагает в постановлении пленума ЦК РКП(б) “допустить, с рядом особо ограничительных условий, оставление в партии верующих, но заведомо честных и преданных коммунистов” (54; 440).

1 ноября 1919 г. Ленин поставил подпись под вторым пунктом решения Малого Совнаркома, отклонившего ходатайства религиозных общин и групп в отношении лиц, не идущих в Красную Армию по религиозному убеждению... И в этом вопросе впоследствии правительству пришлось уступить.

О проявившейся гибкости Ленина по отношению к православию свидетельствует его письмо секретарю ЦК партии Молотову в апреле 1921 года: “Если память мне не изменяет, в газетах напечатано письмо или циркуляр ЦК насчет 1 мая, и там сказано: **разоблачать ложь религии** или нечто подобное. Это нельзя. Это нетактично. Именно по случаю пасхи надо рекомендовать **иное**: не разоблачать ложь, а **избегать, безусловно, всякого оскорбления религии**” (52; 140).

Обратим внимание — послабление православной церкви вождь делает не из принципиальных соображений, а “по случаю пасхи”. 31 марта 1921 года Ленин одобрил предложение Чичерина о необходимости “соблюдать тактичность при проведении антирелигиозной пропаганды” в областях с мусульманским населением (52; 120). Но когда в январе 1922 года Чичерин, пытаясь улучшить отношения с Америкой и зная о том неодобрении, с которым в этой стране относились к преследованию религии в Советской России, предложил Ленину в двух письмах, от 20 и 22 января, чтобы священнослужителям было предоставлено право участия в выборах, Ленин рассвирепел. На полях в этом месте письма Чичерина он поставил три вопросительных знака и написал: “сумасшествие!!” И тут же приказал: “**т. Молотову для всех членов Политбюро**: Это и следующее письмо Чичерина явно доказывают, что он болен и сильно. Мы будем дураками, если **тотчас** и насильно не сошлем его в санаторий” (54; 137, 601).

В статье “К четырехлетней годовщине Октябрьской революции” Ленин с удовлетворением констатировал: “Мы с религией боролись и боремся по-настоящему”. Здесь же вождь отнес религию к тем “авгиевым конюшням”, которые большевики “вычистили начисто” (44; 146).

Но нарастающий страшный голод в стране, вызванный в первую очередь дикими “коммунистическими экспериментами”, давал возможность большевикам нанести гонимой церкви еще более сокрушительный удар. И, умелый тактик в политической борьбе, Ленин использовал “момент”.

Тяжелейшая обстановка в России привела Ленина к мыслям, которые он высказал 19 марта 1922 г. в письме к Молотову для членов политбюро ЦК РКП(б): “... для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету”.

Последнюю мысль вождь повторил еще раз: “никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализацию этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне”. (“Изв. ЦК КПСС”, № 4, 1990 г., стр.190-193).

Обратим внимание на ленинскую формулировку — “отчаянный голод”, вызванный политикой “военного коммунизма”, помогает расправиться со священнослужителями.

Но еще летом 1921 г. патриарх Тихон выступил с обращением: “Падаль для голодного населения стала лакомством, но и этого “лакомства” нельзя достать. Стоны и вопли несутся со всех сторон. Доходит до людоедства. Из 13 миллионов голодающих только 2 миллиона получают помощь. Протяните же руки помощи голодающим братьям и сестрам, с согласия верующих можно использовать в храмах драгоценные вещи (кольца, цепи, браслеты, жертвуемые для украшения святых икон, серебро и золотой лом) на помощь голодающим...” В августе 1921 г. по инициативе патриарха православная церковь создает Всероссийский и епархиальные церковные комитеты для помощи голодающим, организует сбор средств.

Если летом 1918 года Тихон отказался благословить Белое движение, то в начале 1922 года он осудил решение ВЦИК о полном изъятии всех церковных ценностей. И Ленин расценил это как желание патриарха дать большевикам “решающее сражение”.

Глобальное ограбление всех православных храмов готовилось и проводилось большевиками широкомасштабно и планомерно. 2 января 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление “О ликвидации церковного имущества”. Именно возглавлявшему этот орган Калинину Ленин отвел роль “прикрытия” для непосредственного организатора грабежа Троцкого. “Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — настаивал Ильич, — никогда и ни в каком случае не должен выступать в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий”.

23 февраля ВЦИК издал постановление об изъятии всех подряд церковных ценностей. Патриарх обратился к Калинину с запросом, но тот, по своему обыкновению, отмолчался. И тогда 28 февраля выходит известное послание патриарха, в котором выражается неодобрение бесцеремонного вмешательства ВЦИК в дела церкви, что рассматривается как святотатство. Следует отметить, что хотя церковь к тому времени собрала в помощь голодающим более 9 миллионов рублей, но даже это формально являлось нарушением закона, ибо была запрещена ее благотворительная, миссионерская и миротворческая деятельность.

10 марта 1922 г. нарком внешней торговли Л.Красин направляет Ленину обстоятельную докладную записку, в ко-

кой обосновывает необходимость создания за рубежом синдиката по распродаже драгоценностей. На этом впервые опубликованном мной документе — ленинское распоряжение: *“11/III. т. Троцкий! Прочтите, пожалуйста, и верните мне. Не провести ли директивы о сем в П.бюро? (сведения на счет числа “очищенных” церквей, надеюсь, заказали?) Привет! Ленин”*. (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, д. 1166).

В тот же день вождю направляется письмо Троцкого:

“Соверш. секретно. Тт. Ленину, Молотову, Каменеву и Сталину.

Работа по изъятию ценностей из московских церквей чрезвычайно запуталась, ввиду того, что наряду с созданными ранее комиссиями Президиум ВЦИК создал свои комиссии: из представителей Помгола, представителей губисполкомов и губфинотделов. Вчера на заседании моей комиссии в составе тт. Троцкого, Базилевича, Галкина, Лебедева, Уншлихта, Самойловой-Землячки, Красикова, Краснощекова и Сапронова мы пришли единогласно к выводу о необходимости образования в Москве секретной ударной комиссии в составе: председатель — т. Сапронов, члены: т. Уншлихт, Самойлова-Землячка и Галкин. Эта комиссия должна в секретном порядке подготовить одновременно политическую, организационную сторону дела. Фактическое изъятие должно начаться еще в марте месяце и затем закончиться в кратчайший срок. Повторяю, комиссия эта совершенно секретна. Формально изъятие в Москве будет непосредственно от ЦК Помгола, где т. Сапронов будет иметь свои приемные часы.”

Впервые мной опубликовано также донесение Троцкого Ленину от 12 марта, на котором сверху ленинская пометка: **“в архив”**:

“В.И., из церквей не изъято фактически почти ничего. Комиссия из т. Лебедева — представителя ВЦИК, Красикова и Сосновского (последний для агитации) за время моего пребывания вне Москвы ни разу не собралась. Сейчас дело реорганизовано и, наряду с политической подготовкой последнего “удара”, ведется через особую московскую комиссию (Сапронов, Уншлихт, Стуков, Галкин) организационно-техническая подготовка самого изъятия, с таким расчетом, чтобы оно произошло без политических осложнений. Привлекаем к моменту

натиска значительное количество попов, в том числе архиереев и, кажется, митрополита, которые стоят за изъятие и поддержат против патриарха в критический момент. Воспользовавшись растянностью наших действий, патриарх выпустил контрреволюционное воззвание с ссылками на постановления соборов и пр. Изъятие ценностей будет произведено, примерно, к моменту партийного съезда. Если в Москве пройдет хорошо, то в провинции вопрос решится сам собой. Одновременно ведется подготовительная работа в Петрограде. В провинции кое-где уже изъяли, но подсчет, хотя бы и приблизительный, пока еще невозможен.

Главная работа до сих пор шла по изъятию из упраздненных монастырей, музеев, хранилищ и пр. В этом смысле добыча крупнейшая, а работа далеко еще не закончена.

12/III-1922. Ваш Троцкий.

Послезавтра получите цифровую справку (очень грубую). Троцкий” . (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.1168).

В этот же день вождь диктует Молотову срочную телефонограмму: “Немедленно пошлите от имени Цека шифрованную телеграмму всем губкомам о том, чтобы делегаты на партийный съезд привезли с собой возможно более подробные данные и материалы об имеющихся в церквях и монастырях ценностях и о ходе работ по изъятию их. Ленин” (54; 206).

Знаменательно, что в этот же день Ленин завершил написание статьи “О значении воинствующего материализма”, в которой развернул программу критики “дипломированных лакеев поповщины”, проповедующих “самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплуататоров и т.п.”.

15 марта в маленьком уездном городе Шуе возбужденная толпа верующих оказала сопротивление изъятию церковных ценностей. В результате столкновения было убито четыре и ранено десять человек.

На следующий день в отсутствие Ленина политбюро ЦК РКП(б) принимает решение, на основании которого рассылается телеграмма: “Опросив товарищей, имевших отношение к делу изъятия ценностей из церквей, Политбюро пришло к заключению, что дело организации изъятия церковных ценностей еще не подготовлено и требует отсрочки по

крайней мере на некоторых местах”. И тогда глава правительства разрабатывает поистине дьявольскую программу немедленного “разгрома наголову” православной церкви, которую излагает в письме Молотову для членов политбюро. Письмо это лишь в начале 1990 года стало известно нашим соотечественникам, хотя за рубежом было опубликовано еще в 1970 году. Письмо “строго секретное”, с припиской: “Просьба ни в коем случае копии не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин у тоже) делать свои заметки на самом документе”. Вождь предлагает использовать события в Шуе “в связи с общим планом борьбы в данном направлении”, связать их с сообщением РОСТА “о подготовляющемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей”. Если сопоставить все эти сообщения и события с воззванием Тихона, считает Ленин, — “то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент”. И Ленин ликует — по его мнению, “влиятельнейшие группы духовенства” на своих “секретных совещаниях” обдумали “достаточно твердый план” в невыгодной и безнадежной для себя обстановке, совершив этим “громадную стратегическую ошибку”.

Ильич считает необходимым усыпить бдительность “неприятеля” и не отзывать телеграммы политбюро о временной приостановке изъятия церковных ценностей, что “посеет у противника представление, что мы колеблемся, будто бы ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретная, противник, конечно, скоро узнает).”

А в Шую Ленин предлагал послать “одного из самых толковых и распорядительных” представителей центральной власти, устно (!) проинструктированного одним из членов политбюро. В Шуе арестовать “как можно больше, не меньше, чем несколько десятков представителей местного духовенства” и мирян, “по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей”. Арестовывать подозреваемых в косвенном участии! На основании доклада вернувшегося в Москву уполномоченного, “Политбюро даст

детальную директиву судебным органам, тоже устную (!), чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров... На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать". Здесь же, не называя итальянского мыслителя Н. Макиавелли, но имея в виду, безусловно, именно его, вождь утверждал: "Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что, если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут". И расстреливать, расстреливать, расстреливать... Ленин писал: "...я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий". Когда оппоненты возражают — что Ленин, мол, призывал к расправе не со всем, а только с "черносотенным", "реакционным" духовенством — то им следует напомнить, что "черносотенной", "реакционной" в ленинской переписке называлась вся "Тихоновская церковь".

Ленинское письмо датировано 19 марта. А на следующий день, на заседании политбюро ЦК РКП(б), был обсужден

предложенный Троцким проект директив об изъятии церковных ценностей, выдержанный в более спокойных тонах, чем письмо Ленина. Политбюро постановило разослать директивы всем губкомам.

Тем не менее, кампания разворачивалась в разработанном Лениным направлении. 27 марта 1922 г. было утверждено Президиумом ВЦИК правительственное сообщение “О событиях в г. Шуе в связи с изъятием церковных ценностей”. Инспирированные Лениным грабежи церковью вызвали только за первое полугодие 1922 года по стране более 1400 случаев кровавых столкновений. Более 700 человек, в основном священников и монахов, было привлечено к уголовной ответственности. Осуществился план Ленина — связать события в Шуе с Петроградом, где наряду с архимандритом Сергием и другими был расстрелян митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский), который еще в середине января 1918 года направил Ленину письмо, в котором доказывал, что осуществление планируемого проекта об отделении церкви от государства вызовет стихийные волнения верующих. Это предостережение пробудило у вождя обратную реакцию на письмо митрополита. Сохранилась на письме ленинская резолюция в адрес коллегии Наркомюста, предписующая ускорить разработку декрета об отделении церкви от государства.

А ведь именно митрополит Вениамин благословил большевиков — членов Всероссийского комитета по оказанию помощи голодающим, заявив: “Я сам во главе молящихся сниму ризы с Казанской Божьей Матери, сладкими слезами оплачу их и отдам”.

Что касается патриарха, то вначале Ленин считал нецелесообразным применить к нему прямые карательные меры. “Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев, — писал он. — Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского, Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно”. Тем не менее, в начале мая 1922 г. по предложению Ленина по-

литбюро постановило: “Дать директиву Московскому трибуналу:

1. Немедленно привлечь Тихона к суду.
2. Применить к попам высшую меру наказания”.

В ночь на 19 мая 1922 г. патриарха перевезли с Троицкого подворья, где он находился под домашним арестом, в Донской монастырь. Здесь в полной изоляции от мира ему предстояло пробыть целый год. А затем в ГПУ на Лубянке еще месяц. Большевики не решились расстрелять патриарха из-за опасения бурной реакции в зарубежных странах. Например, Англия заявила об отзыве дипломатической миссии, если советское правительство начнет намеченный на апрель 1923 года процесс над патриархом Тихоном. Ленин предвидел это, когда писал 19 марта, что “после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью”.

Вождь не скрывал того, что спешка с уничтожением православных священнослужителей объяснялась и опасением, что в их защиту поднимет голос демократическая российская эмиграция: “...главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов за границей, т.е. эсэрам и милюковцам борьба против нас будет затруднена, если мы именно в данный момент, именно в связи с голодом, проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства”.

Ленин не скрывал того факта, что церковные ценности отнюдь не предназначались для помощи голодающим. Он утверждал: “Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А

сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся...” Оказывается, ни хозяйственное строительство, ни государственная работа немислимы в стране без полного ограбления православной церкви!

Комиссия при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий изучила массу архивных документов по рассматриваемой проблеме, на основе чего ее председатель Александр Яковлев на пресс-конференции 27 ноября 1995 г. сообщил: “Священников и монахов распинали на царских вратах храмов, расстреливали и душили, делали из них ледяные столбы, обливая холодной водой. В начале 20-х годов, под предлогом помощи голодающим Поволожья, было изъято церковных ценностей на два с половиной миллиарда золотых рублей. Однако на покупку продовольствия, по нашим данным, ушел только один миллион. Остальные деньги осели на зарубежных счетах партийных боссов или были направлены на нужды мировой революции”. Итак, на покупку продовольствия большевики истратили сотые доли процента от сумм, реализованных от продажи награбленного церковного имущества.

Проводилась под руководством Ленина и Троцкого интенсивная работа по расколу церкви. 14 мая 1922 г. Троцкий направил Ленину и другим членам политбюро обстоятельный документ по этому вопросу, главная идея которого состояла в том, чтобы ориентировать “Правду” и “Известия” таким образом, чтобы во внутрицерковной борьбе “не толкать обе стороны к сближению, а, наоборот, дать возможность борьбе развернуться в самой яркой и решительной форме”. В этом документе Ленин подчеркнул фразу “мельчайшая геноуэзская дребедень занимает целые страницы” и написал: “верно, 1000 раз верно! Долой дребедень! 15/V. Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.27072). Складывается впечатление, что вождь, будучи уже тяжело больным, не вникал в суть документа. Через несколько дней у него случится тяжелый приступ, отнимутся правая рука и нога, потеряется речь. Скорее всего, если бы не начавшаяся болезнь вождя, кровавая расправа над русской православной церковью была бы доведена до логического конца. Вернется глава правительства к активной политической деятельности на корот-

кий срок лишь в октябре 1922 года. В ленинском архивном фонде хранится выписка из протокола заседания оргбюро ЦК РКП(б) от 13 октября 1922 г. с решением “О создании комиссии по антирелигиозной пропаганде” и введении в нее, наряду с другими, руководителей ГПУ. На документе впервые мной опубликованная ленинская приписка: *“Не понимаю, почему нет т. Троцкого, к[о]т[ор]ый неск[о]л[ь]ко м[еся]цев следил близко за течениями в церкви. Прошу поставить в П[олит]бюро. Ленин”*. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.23358).

И последний известный факт обращения Ленина к вопросам религии. 5 декабря 1922 г., за неделю до второго приступа, после которого вождь окончательно покинул свой кремлевский кабинет, Ленин принял председателя Малого Совнаркома Г.Леплевского. В ходе беседы он дал указание, вопреки состоявшемуся постановлению Малого Совнаркома, сохранить руководимый Красиковым VIII отдел Наркомюста, заметив: “Что касается утверждения, что процесс отделения церкви от государства завершен, то это, пожалуй, и так; церковь от государства мы уже отделили, но религию от людей мы еще не отделили”. Видимо, вождь смирился с мыслью, что при его жизни “отделить религию от людей” не удастся.

Сразу после того, как Ленин окончательно отошел от политической деятельности, в июне 1923 года ВЦИК принял постановление о приостановлении дела по обвинению патриарха Тихона в антисоветских преступлениях. Тому, правда, пришлось покаяться. Прекращено дело было лишь в связи со смертью патриарха. А преемник Ленина на посту главы правительства А.Рыков сразу же после вступления в должность принял патриарха, дал ему обещание уменьшить давление на религиозные организации со стороны властей, помочь в уменьшении налогов с духовенства и храмов, освободить из тюрем и ссылок ряд иерархов и т.д. Слово свое он сдержал. Но после его вынужденной отставки в конце 20-х годов началась сталинская эпоха “воинствующего безбожия”, новое наступление на все религиозные организации, в том числе и православную церковь.